

НЕДОВОЛЬСТВО КУЛЬТУРОЙ 2.0. РАЗГОВОР С ФРЕЙДОМ О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Львов Д. М.

*Самарский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
Самара, Российская Федерация
lvovnet@yandex.ru*

В статье автор размышляет о проблемах современной культуры, рассматривая их в контексте истории, физики, культурологии и психологии. Проведя анализ текущего положения, он выдвигает предположение о скором пересмотре профессиональной идентичности психолога и его роли в жизни общества, а также изменении характерологических особенностей клиентов. В конце автор приводит свой опыт работы с клиентами новой формации и делится предположениями о задачах, которые массово встанут перед психологами в ближайшем будущем.

Ключевые слова: культура, агрессия, психология, метамодернизм, эволюция, энтропия.

Начну с банального и общеизвестного: человеческая цивилизация переживает процесс культурной трансформации. Оспариваются и пересматриваются принципы традиционного уклада жизни, формируются и формулируются новые, которые в свою очередь тоже подвергаются жесточайшей критике, доходящей порой до открытого противостояния. Самое удивительное, что в этом споре старого и нового невозможно определить правого и неправого – правы все. Одним словом, происходят стремительные перемены мирового масштаба, и как бы ни хотелось от этого спрятаться или хотя бы дистанцироваться, сделать это невозможно. Говоря языком психоанализа, принцип реальности столкнулся с принципом постоянства. Почти сто лет назад Фрейд писал об этом конфликте в «Недовольстве культурой». Но его интересовали не столько вопросы будущего человеческой цивилизации, сколько структура и причины конфликта человека и культуры. Что ж, наш дорогой дедушка Фрейд, попробуем сегодня переосмыслить выдвинутые тобой гипотезы и найти в них ответы на по-прежнему актуальные вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Вселенная обладает неиссякаемым запасом ресурсов, способных сделать счастливым абсолютно любого человека. Вот только вопросы всеобщего или чьего-то конкретного счастья её вовсе не заботят! Более того, она оказывается скорее враждебна к человеку, буквально на каждом шагу создавая препятствия на его пути к счастью. Физические возможности нашего тела весьма скромны и ограничены, природа нам неподвластна. Даже между собой мы можем договориться с чрезвычайно большим трудом! Возможностей получить удовлетворение у нас очень немного, зато поводов пострадать более чем достаточно. И не имея возможности быть в полной мере счастливыми, люди находят способы хотя бы уменьшить свои страдания. Психоактивные вещества, искусство, любовь, наука, религия – всё это позволяло нам более или менее уклоняться от страданий. Но как невозможно утолить голод, бесконечно вливая в себя кофе, так и невозможно стать счастливым, только убегая от несчастья, – рано или поздно истинная потребность возьмёт своё. И история человечества яркий тому пример: расцвет науки, искусства или религиозности всегда только откладывал конфликт, но никогда его не разрешал. Появление монотеизма позволило человечеству сформировать принцип единства: мы люди разных народов, но у нас один Бог, а потому мы едины. И от этого наша жизнь стала куда более стабильной и предсказуемой, чем прежде, и это, безусловно, уменьшило количество страданий или как минимум сделало их более переносимыми. Правда до тех пор, пока не встанет вопрос о том, какое из имён бога истинное... Эпоха Возрождения подарила нам принципы гуманизма и либерализма. Человек – звучит гордо! Ничего, что он голодный, зато свободный. Но и тут мы всё никак не определимся, чьё понимание свободы свободнее... Про научно-технический прогресс я вообще молчу! Вряд ли бы вы могли читать этот текст, если бы у меня не было под рукой ноутбука, подключённого к

Интернету. Но и тут всё не слава единому богу: технологии сделали нашу жизнь комфортнее, безопаснее, вот только... Стали ли мы от этого счастливее? Прав был Фрейд: культура и цивилизация, а он не делал между ними разницы, не оправдывают ожиданий человека. Требуя отказа от прямого удовлетворения человеческих потребностей, они дают взамен слишком мало. И чем дальше, тем выше плата. Мы же хотим быть свободны в своих желаниях. И чем больше наше стремление к свободе, тем более оно «направлено либо против определенных форм и притязаний культуры, либо против культуры вообще». Здесь мы оказываемся как бы в тупике. С одной стороны, ситуация требует избавления от «неработающей» культуры. С другой – мы не можем этого сделать, поскольку уничтожение культуры оставит нас один на один с нашей врожденной агрессивностью, которая грозит уничтожением нам самим. И жить без культуры мы не можем, но и жизнью это назвать сложно. Борьба инстинктов жизни и смерти продолжается, исход ее остается никому не известным.

Получается, что современная человеческая цивилизация подошла к некоему пределу своего развития. Говоря языком физики, уровень энтропии возрос настолько, что совершенствование системы более не позволяет её сдерживать. Дальше либо разрушение системы, либо... её трансформация. Причём трансформация настолько масштабная, чтобы изменить свойства самой системы. В качестве примера приведу три агрегатных состояния воды – твёрдое, жидкое и газообразное. Это всё та же вода, но обладающая разными свойствами. Однажды мы уже проходили подобную трансформацию, когда перестали быть животными в обычном понимании. Человек всё ещё является частью царства животных, таких как, например, тараканы, принадлежит к типу хордовых, таких как, например, рыбы, классу млекопитающих, таких как, например, лошади, отличается от них всех не только внешним видом, но и тем, что обладает качествами, которых нет у других животных: трудовыми навыками, речью, мышлением и сознанием. Но так было не всегда. Специалисты по-прежнему спорят о том, когда именно это произошло и что этому способствовало, но мы, как и Фрейд в вопросах будущего культуры, оставим эти споры для будущих поколений. Хватит с нас того, что достоверно было установлено: человек перестал быть животным в процессе эволюции. То есть перешёл в новое агрегатное состояние, сохранив свою сущность. Здесь, на мой взгляд, уместно задать вопрос: «А как, собственно, это продвигает нас в исследуемом вопросе?» В этом нам поможет правило повторения онтогенеза в филогенезе. Тем более что и Фрейд его применяет, проводя аналогии между индивидуальным развитием и развитием общества. Культурный процесс представляет собой определенную модификацию жизни. Следовательно, подчиняется тем же законам. Осталось определить, каким именно.

Культура регламентирует нашу жизнь, диктует её правила, вознаграждает и наказывает. Всё вместе это даёт ощущение стабильности и безопасности. Родители делают для своего ребёнка то же самое – они заботятся о нём, обеспечивают необходимыми ресурсами, защищают... Получается, что культура выполняет для нас родительскую функцию. Но как родители не могут нянчить своего ребёнка вечно, так и культура не может бесконечно о нас заботиться. Неизбежна сепарация. Если процесс этот обоюдный, то сепарация проходит более или менее спокойно, и из иерархических отношения переходят в равноправные отношения взрослых со взрослым. Попытка удержать иерархические отношения неизбежно приводит к травматизации процесса сепарации и даже к невозможности её осуществления. В этом случае жизнь превращается в мучение, частым бегством от которого становится безумие. Наблюдая, как трансформируются отношения современного человека и его культуры, несложно сделать вывод, что процесс сепарации в нашем случае явно не обоюдный. Вероятно отсюда и скачок агрессивности и, на мой взгляд, странные и опасные эксперименты с гендерной идентичностью, и нарушения в коммуникациях, как межличностных, так и международных. Фрейд завещал нам исследовать тему «патологии культурных». Вот одна из этих патологий – инфантилизация индивида. Современная культура невероятно репрессивна по отношению к его волеизъявлению. Культурологи определяют нынешний культурный период как метамодернизм. Как минимум две его основополагающих концепции крайне агрессивны к индивиду. Капиталистический реализм, характеризующийся идеализацией общества потребления и

крайней политизированностью, буквально требует выбрать то, что «правильно», даже если для самого человека это вредно или как минимум бесполезно. Кто не с нами, тот против нас. Вот девиз капиталистического реализма. Например, достаточно просто быть обвинённым в применении насилия, даже бездоказательно, как это случилось с Джонни Деппом, чтобы попасть в жернова культуры отмены – самого радикального инструмента капиталистического реализма. Его диктатура буквально блокирует какие-либо проявления индивидуальности, отличной от утверждённой «политикой партии», принуждая действовать только и исключительно в её установленных границах. Подобное блокирование способствует инфантилизации личности, лишая её способности самостоятельного принятия решений. Следующая концепция – автомодернизм, утверждающий новое психическое состояние, в котором субъект создаёт свою собственную Вселенную, казалось бы, вообще ни в чём не ограничивает индивида. Человек, а не природа, решает, какого он пола. И не важны ни физиологические отличия, ни наличие первичных и вторичных половых признаков – ты тот, кем себя чувствуешь. Это, на мой взгляд, уже чистое проявление инфантильности. Как ребёнок представляет, что вместо палки у него в руках меч, так и сторонники автомодернизма предлагают всем верить, что их фантазии и есть реальность. Вот только живые люди не могут, как куклы, напиться из пустой игрушечной чашки. Это одни из самых ярких проявлений патологичности современной культуры, но, поверьте, их куда больше! К сожалению, их нельзя победить их же оружием, представив, что они не существуют, или попросту отменив. Они давно и плотно стали частью нашей объективной реальности и формируют условия и обстоятельства человеческой жизни. Соответственно и к нам, психологам, всё чаще и чаще будут обращаться люди с проблемами, вытекающими из этих патологий. А поскольку все наши профессиональные инструменты созданы той самой современной культурой, то мы неизбежно всё чаще будем сталкиваться с тем, что они не будут давать должного эффекта. Частично эту проблему можно решить путём расширения профессиональных компетенций и компетенций в смежных областях, но это, как в случае с голодом и водой, не решит, а лишь отложит решение проблемы. Новые вызовы требуют новых способов их решений. Очевидно, это потребует изменения системы подготовки новых специалистов, переосмысления нашей профессиональной роли, да и самой идентичности тоже.

В качестве примера хочу представить вам обобщённый случай сразу нескольких моих клиентов, которых я называю «дети метамодернизма». Несмотря на совершенно разные биографии и запросы, у них очень много общего. Во-первых, крайне рациональный подход к работе и деньгам, несмотря на свой довольно юный возраст (20–23 года) все они очень прилично зарабатывают, и яркие, эмоциональные сны. При этом абсолютный раздрай в промежуточном состоянии, которое я называю «бодствование», когда нет возможности спрятаться в «скорлупу». Во-вторых, это касается исключительно женщин – у мужчин этого нет, их отношение к тому, что они называют себя «Он». При этом они однозначно идентифицируют себя как женщину и используют «мужскую маску» как оружие, защиту и протест. В-третьих, в онлайн-пространстве они чувствуют себя как рыба в воде и вся их бытовая жизнь автоматизирована по максимуму – покупки и общение онлайн, исключение делается только для наших сессий, которые по моему настоянию, проводятся только очно. При этом они ничуть не страдают от этой «изоляции». В-четвёртых, со всеми ними мы проходили один и тот же этап – это то, что в метамодернизме называется «бесконечный текст», когда информация меняется без остановок, как новостная лента в соцсетях. Пока я не могу сказать, что, как и когда происходит (недостаточно исследовательского материала), но в какой-то момент содержание наших встреч перестаёт быть обрывочным, приобретает целостность, «историчность» и наполняется, как я это называю «сессионными связями». В жизни это выглядит как разговор с продолжением, т. е. содержание последующей встречи не «удаляет» содержание предыдущей. Данная терапевтическая стратегия очень напоминает мне то, о чём пишет Д. Винникотт в «Игре и реальности». Кроме внешней (объектной) и внутренней (субъектной) реальности, существует третья, где объект и субъект могут не просто наблюдать друг друга, но имеют возможность пользоваться друг другом. Винникотт называет эту

реальность пространством «творческой игры» или «потенциальным пространством», но мне больше нравится «переходное пространство». Я называю его переходным, потому что оно напоминает мне момент перед выходом на сцену, когда мы уже не Васи/Пети/Маши, но ещё не Гамлеты/Офелии и Дездемоны. Каждый, кто имел возможность наблюдать актёра за кулисами перед тем, как тот выйдет на сцену, обязательно обращает внимание на этот момент предельной «настоящности» человека. И, как человек, имеющий профессиональное театральное образование и подготовку, я хочу вам сказать, что без этого момента не бывает актёрского искусства. Пока я психотерапевт Дмитрий Михайлович – я в роли. Так меня видит общество и пациенты. Пока я наедине с самим собой, я герой-любовник или конченный неудачник – в зависимости от того, как я себя в этот момент чувствую. И это тоже роль. Таким я себя вижу и ощущаю. Настоящий я в момент перехода от внутренней роли к внешней.

Здесь, на мой взгляд, следует добавить, что моё понимание «переходного пространства» отличается от того, каким его видит Винникотт. Он описывает его в контексте развития объектных отношений между матерью и ребёнком, с акцентом на то, что это необходимо в первую очередь ребёнку для развития его самости, а мать как бы предоставляет ему это пространство. Я же употребляю выражение «переходное пространство» больше в социальном контексте. Для меня это «ничейная земля».

Разделённая реальность объектов никогда не будет в полной мере ОБЩЕЙ, поскольку у каждого здесь есть СВОЯ территория. Потому и реальность – разделённая, что мы разделяем её с другими. Это пространство конкуренции, экспансии и борьбы за «место под солнцем».

Пространство внутренней реальности никогда не будет в полной мере разделённым, поскольку это территория абсолютной монархии субъекта. Он здесь и царь, и бог. Все «пришлые» или безоговорочно принимают правила субъекта или удаляются из внутренней реальности.

«Переходное пространство» не принадлежит никому. Здесь встречаются два субъекта, которые могут разделить это пространство, сделав его не отдельным, а общим, инвестируя часть своего внутреннего пространства. Это не территория развития, хотя одно не исключает другого, это в большей степени территория совместного творчества.

Попробую описать это «объектным» языком. В «переходном пространстве» из контакта двух субъективных «Я» рождается не «Ты», как в «потенциальном пространстве» Винникотта, а «Он» – третий субъект, имеющий черты двух различных «Я», но и обладающий собственной уникальностью.

Так искусство, это не результат усилий творца, автора, а результат контакта авторского (субъективного) замысла с субъективным опытом зрителя. В качестве примера приведу смешную историю, которая наверняка многим известна.

Девочка Агриппина Васильева, будучи дочкой писателя, была вхожа в литературные круги, потому, когда учительница задала ей сочинение «О чём думал Валентин Петрович Катаев, когда писал повесть “Белеет парус одинокий”», она спокойно пошла на соседнюю дачу, где жил сам Катаев, и попросила его о помощи. Катаеву идея понравилась, и он написал сочинение за девочку. Через некоторое время он сумел повеселиться, когда увидел, что за своё сочинение получил тройку, да ещё и с замечанием от учителя: «Неверно, Катаев хотел сказать другое».

Я никогда не понимал, почему Винникотт избегает конкретности в описании переходных объектов. Теперь я очень хорошо это понимаю. Это удивительное состояние, которое невозможно описать объективно, поскольку оно продукт индивидуального переживания и потому абсолютно субъективно и одновременно объективно, поскольку существует реально!

Не всегда, но временами нам с моими клиентами удаётся встретиться в этом переходном пространстве, и тогда это двигает вперёд нас обоих. Впоследствии ни они, ни я не можем в точности описать, что же произошло. Но чувствуем и понимаем, что произошедшее реально. Оно существует. И, как знать, может в этом и есть смысл терапевтического процесса, чтобы не найти, не подобрать, но создать общую реальность и язык, адекватно её передающий. Создать новую Культуру.

Литература / References

1. Аккер Р. ван ден. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмоде́рнизма / перевод с англ. В. М. Липки. – М.: РИПОЛ классик / Панглосс, 2020.
2. Вермёлен Т. Заметки о метамоде́рнизме / Т. Вермёлен, Р. ван ден Аккер. – URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 06.05.2024).
3. Виннкотт Д. В. Игра и реальность. – М., 2002.
4. Виннкотт Д. В. Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «не-я» предмета. – URL: <https://psychoanalysis.by/2018/02/20/vinnikot-4/> (дата обращения: 06.05.2024).
5. Виннкотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. – Екатеринбург, 2004.
6. Тёрнер Л. Метамоде́рнизм: краткое введение. – URL: <https://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 06.05.2024).
7. Фрейд З. Недовольство культурой. – М., 2013.

DISSATISFACTION WITH CULTURE 2.0. A CONVERSATION WITH FREUD ABOUT THE CRISIS OF MODERN CULTURE

Lvov D. M.

*Samara branch of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
Samara, Russian Federation
lvovnet@yandex.ru*

In the article, the author reflects on the problems of modern culture, considering them in the context of history, physics, cultural studies and psychology. After analyzing the current situation, he suggests an imminent revision of the professional identity of the psychologist and his role in society, as well as a change in the characterological characteristics of clients. In the end, the author gives his experience of working with clients of a new formation and shares his assumptions about the tasks that psychologists will face en masse in the near future.

Keywords: culture, aggression, psychology, metamodernism, evolution, entropy.